

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Санкт-Петербургский институт истории
Европейский университет в Санкт-Петербурге

На правах рукописи

Барабанова Ксения Сергеевна

**Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.: власть и горожане в
условиях чрезвычайной ситуации**

Специальность: 07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург

2017

Работа выполнена в ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук» и в АНОО ВПО «Европейском университете в Санкт-Петербурге»

Научный руководитель:

Лапин Владимир Викентьевич
профессор, доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник отдела Новой
истории России ФГБУН «Санкт-
Петербургский институт истории РАН»

Официальные оппоненты:

Высочков Леонид Владимирович
профессор, доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России с
древнейших времен до XX века Института
истории ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет»

Зимин Игорь Викторович
профессор, доктор исторических наук,
заведующий кафедрой истории Отечества
ФГБОУ ВО «Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет
имени академика И.П. Павлова» Минздрава
России

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Московский государственный
университет имени М.В. Ломоносова»

Защита состоится «03» октября 2017 г. в 14-30 на заседании Диссертационного совета Д 002.200.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук на базе Санкт-Петербургского института истории РАН по адресу: 197110, Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Санкт-Петербургского института истории РАН <http://www.spbiiran.nw.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук

П.В. Крылов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования и постановка проблемы

Проблема отношения «власти» и «общества» постоянно оказывается в центре внимания различных гуманитарных дисциплин, каждая из которых предлагает для ее анализа свои подходы и методы. Исследователи спорят о том, что представляет собой «общество» как исторический феномен, каковы его основные характеристики, время и условия возникновения, место в политическом процессе, возможные конфигурации отношений с контрагентом, который обычно обозначают обобщенным понятием «власть»¹. Обращение к этой проблеме на российском материале осложняется существующей историографической традицией, в рамках которой принято рассматривать эти взаимоотношения как историю «борьбы», «подавления», «слабости» общества перед лицом власти.

Контекст эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г. позволяет обратиться к проблеме формирования общества в Российской империи. Здесь важно отметить, что в нашей работе мы не вступаем в полемику, которая затрагивает историю понятия «общество». Изучая события лета 1831 г., мы анализируем чрезвычайную ситуацию, которая позволяет взглянуть на процесс формирования общества под другим углом. Любая эпидемия в крупном городе является чрезвычайной ситуацией, во время которой проявляются скрытые процессы и проблемы, которые не очевидны в обычное время.

Основы для подобного понимания российского общества во многом были заложены в середине XIX в. И.С. Аксаковым. Предложенная им триада «власть, общество, народ», где «общество» противопоставляется как

¹ Подробный анализ различных концепций взаимоотношений власти и общества, предпринятый через призму «гражданского общества», представлен в книге Коэна Д.Л. и Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003.

государственной власти, так и «темному» народу², не только определила развитие взглядов на российское общество во второй половине XIX в., но и продолжает оказывать влияние на современных исследователей³.

Попытки представить взаимоотношения власти и общества как многогранный, сложный, противоречивый процесс, а также вписать их в общеевропейский контекст⁴ предпринимались неоднократно. Теоретическим основанием для них выступают концепции «гражданского общества»⁵, «общественности» как готовности работать на общее благо⁶, а также понятие «самоорганизации»⁷. В рамках всех этих подходов общество изучается через добровольные ассоциации, благотворительность и органы самоуправления⁸.

² Анализ теории И.С. Аксакова см. подробнее: Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М., 1978; Он же. Славянофильство. Из истории общественно-политической мысли XIX века. М., 1986; Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003; Андреева Т.В. Теоретический аспект проблемы общества и общественного мнения в России во второй половине XIX – XX в. // Власть, общество и реформы в России в XIX – начале XX в.: исследования, историография, источниковедение. СПб., 2009. С.256-268.

³ Калугин Д.Я. История понятия «общество» от средневековья к новому времени: русский опыт // От общественного к публичному. СПб., 2011. С. 305 – 394.

⁴ Бредли Д. Общественные организации в царской России. Науки, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 55 – 92.

⁵ Дискуссия вокруг понятия «гражданское общество» и попытка применения этой концепции к Российской империи второй половины XIX – начала XX в. подробно рассмотрены Л. Хефнером: Хефнер Л. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861 – 1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 35 – 62.

⁶ Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, N.J. 1991; Bradley J. Voluntary Associations, Civic, and Obshchestvennost' in Moscow // Clowes E.W., Kassow S.D., West J.L. Between Tsar and People. Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, N.J. 1991. P. 131 – 148.

⁷ Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII - начале XX. / отв. ред. Туманова А.С. М., 2011.

⁸ Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX – XX веков. Тамбов, 1999; Свиридова Т. Гражданская идентичность и местное (земское) самоуправление в XIX в. в России и в Западной Европе // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 2007. С. 124 – 154; Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. 11. № 3. С. 164 - 176.

При этом большинство исследований сосредоточено либо на пореформенной эпохе, либо еще уже – на коротком отрезке между 1905 и 1917 гг.

Вопрос о специфике существования общества в период правления Николая I до сих пор привлекал к себе мало внимания. Общим местом по-прежнему остается представление, что николаевское царствование – время, когда общество особенно жестко подавлялось властью⁹. Желая поставить под сомнение этот тезис, мы обратимся к событиям, которые можно назвать чрезвычайной ситуацией - к эпидемии холеры 1831 г.

В данной работе термин «общество» используется для обозначения лиц и структур, которые не являются, соответственно, представителями бюрократии или государственными учреждениями. При этом не ставится акцент на традиционном противопоставлении «общество - государство». В чрезвычайных условиях, когда государство не справляется с ситуацией, начинают проявлять себя люди или сообщества, которые не являются частью властной структуры. Обладая востребованными в данное время ресурсами и способностями, они объединяются и действуют для решения насущных проблем. Таким образом, чрезвычайная обстановка становится удобным контекстом для изучения общества, то есть всех тех людей, которые в силу своего социального статуса в обычной ситуации не обязаны принимать участия в борьбе, например, с эпидемией холеры.

В период с июня по ноябрь 1831 г. в Санкт-Петербурге заболело более 9 тыс. человек, примерно половина из них скончалась. Жесткие противоэпидемические мероприятия привели к холерным волнениям в столице. Самым известным эпизодом эпидемии стал Холерный бунт на Сенной площади, 22 – 23 июня 1831 г., запечатленный на одном из барельефов на постаменте памятника Николаю I работы П.К. Клодта¹⁰. Выбор такого сюжета свидетельствует, что появление императора перед

⁹ Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003.

¹⁰ Подробнее см.: Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 789. Оп. 2. Д. 151 (О сооружении памятника императору Николаю I); Кривдина О.В. Скульптор П.К. Клодт. СПб., 2005; Клодт Г. «Лепил и отливал Петр Клодт...» М., 1989.

толпой во время холеры в XIX в. осмысливалось как одно из четырех важнейших событий правления Николая I, было важной частью николаевского «сценария власти»¹¹. Оно символически приравнивалось к таким деяниям как составление Полного собрания законов, строительство железной дороги Москва-Петербург, спасение монархии во время восстания декабристов.

В контексте событий 1831 г. мы можем подробно изучить взаимоотношения власти и общества через рассмотрение скрытых конфликтов, а также процесса решения проявившихся проблем. В это время было создано пространство для диалога, инициатором которого чаще всего выступала власть, осознававшая невозможность преодоления чрезвычайной ситуации только своими силами. Возможно, что поощряя благотворительность и иницируя переход представителей медицинской профессии на качественно новый уровень осознания себя как сообщества экспертов, Николай I создавал условия для развития общества. Внезапный расцвет общественной инициативы, произошедший в 1861 г. и обычно связываемый с Крымской войной, на деле был подготовлен более ранними событиями.

Таким образом, **предметом исследования** являются механизмы взаимоотношений власти и общества в условиях борьбы с эпидемией холеры.

Объектом исследования являются основные участники борьбы с эпидемией холеры в Санкт-Петербурге (чиновники, медики, благотворители).

Целью диссертационного исследования является анализ взаимоотношений власти и общества в Санкт-Петербурге в условиях эпидемии холеры 1831 г.

Хронологические рамки диссертации охватывают период первой эпидемии холеры в Российской империи 1823 – 1833 г. Это обусловлено тем,

¹¹ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002. С. 397.

что изучение холеры как нового заболевания, выработка противоэпидемических мероприятий и их реализация начались задолго до эпидемии в Петербурге. Основное внимание сосредоточено на событиях 1831 г. в столице. Кроме того, для понимания динамики развития знаний о холере и о конкретных противоэпидемических мерах, были привлечены материалы второй эпидемии холеры в Санкт-Петербурге 1847 – 1849 г.

Географические рамки

Хотя в центре исследования - Санкт-Петербург, для сравнения привлекаются материалы московской эпидемии 1830 г.

Целью диссертационного исследования является анализ взаимоотношений власти и общества в Санкт-Петербурге в условиях эпидемии холеры 1831 г.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**:

1) изучить деятельность чрезвычайных органов и временных чиновников как представителей власти, проанализировать личный состав «Комитета для принятия мер противу распространения холеры», попечителей медицинских частей и временных военных губернаторов.

2) исследовать медицинский корпус, его взаимоотношения с государством и горожанами, установить, каким образованием, опытом и знаниями о холере обладали врачи к моменту начала эпидемии, рассмотреть динамику противоэпидемических мероприятий и причинах изменений в них. Специально необходимо остановиться на образе врача в глазах горожан (пациентов) и власти, а также на усилиях последней по формированию положительного образа.

3) проанализировать благотворительную деятельность горожан, отдельно обращая внимание на лиц, привлеченных властью в качестве попечителей от купечества. Фокус исследования будет сосредоточен на роли инициативы со стороны горожан и властей, механизмах привлечения к благотворительной деятельности и личном составе благотворителей.

4) через сравнение событий эпидемии холеры в Москве в 1830 г. и Санкт-Петербурге в 1831 г. показать специфику петербургского общества.

Историографический обзор

Изучение взаимоотношений власти и общества в условиях эпидемии холеры 1831 г. требует обращения к различным историографическим контекстам.

Единственной обобщающей работой по истории русского общества на данный момент является книга В.Я. Гросула «Русское общество в XVIII – XIX веках». Отсутствие интереса к этому феномену в советской историографии историк объясняет пониманием в это время общества как либерально-буржуазного явления¹². Хотя историографическая ситуация коренным образом изменилась с начала 1990-х гг., общество в период правления Николая I по-прежнему остается малоисследованным. В.Я. Гросул пишет, что общество было ослаблено и находилось под давлением властей¹³. В то же время власть видела в нем определенную политическую силу: именно при Николае I было создано III Отделение, пристально следившее за общественным мнением. При этом В.Я. Гросул отмечает и то, что в николаевское царствование были созданы не только новые кружки и салоны, но и основывались новые научные и благотворительные общества.

История литературных кружков, салонов и клубов, влиявших на культурную жизнь Российской империи и участвовавших в формировании российской публичной сферы, является сюжетом, который привлекает исследователей в связи с николаевским царствованием¹⁴. Вторая четверть XIX в. была временем, когда эти организации достигли своего наивысшего расцвета¹⁵. Исследователи констатируют резкое ухудшение положения

¹² Гросул В.Я. Русское общество XVIII – XIX веков: Традиции и новации. М., 2003. С. 34.

¹³ Там же. С. 193.

¹⁴ Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. М., 2001; Розенталь И.С. И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVII – начало XX в. М., 2007.

¹⁵ Аронсон М., Рейсер С. Литературные кружки и салоны. М., 2001. С. 336.

общественных организаций после 1848 г.: те из них, что не были закрыты, были подвергнуты огосударствлению. Тем не менее, А.С. Туманова пришла к выводу, что консервативный режим Николая I не смог остановить развитие публичной сферы и добровольных ассоциаций¹⁶.

Поскольку интерес историков в основном сосредоточен на изучении общества в пореформенной России, необходимо обратиться к этой историографии и обозначить существующие исследовательских подходы. Рассматривая пореформенную эпоху, ряд авторов, так или иначе, обращается к предшествующим событиям. Их краткие экскурсы позволяют хотя бы отчасти заполнить существующую лакуну. Кроме того, методы, использованные на более позднем материале, возможно экстраполировать на более ранний, чтобы показать, как формировалось общество в период правления Николая I.

Одной из наиболее влиятельных современных работ, рассматривающих историю российского общества в рамках политической теории «гражданского общества», является исследование Дж. Бредли «Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество». Хотя Дж. Бредли сосредотачивается на истории пореформенной России, он отмечает, что изучаемые им научные общества находились в авангарде движения социальной инициативы, куда в XVIII – XIX в. входили масонские ложи, религиозные благотворительные общества, салоны и кружки¹⁷.

Общественные организации, по мнению Дж. Бредли, ставили перед собой цели, реализация которых требовала участия группы лиц, так как отдельно взятому индивидууму они были не под силу. По сути, они выполняли те задачи, которые не могли осуществить официальные власти.

¹⁶ Туманова А.С. Формирование социокультурных и правовых основ для общественной самоорганизации в имперской России // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII-начале XX. М., 2011. С. 176 – 178.

¹⁷ Бредли Дж. Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012. С. 42.

Деятельность петербуржцев в области благотворительности в период эпидемии 1831 г. была призвана решать схожие задачи: сделать то, чего не смогли власти (открыть и укомплектовать больницы, помочь нуждающимся, организовать помощь сиротам). На материалах начала 1830-х гг. возможно ставить вопросы о проявлении «частной инициативы и социальной активности в условиях самодержавия», которые интересуют и Дж. Бредли¹⁸.

Как проявление гражданской инициативы исследователями рассматривается феномен благотворительности¹⁹. Обращаясь к нему, А. Линденмайер пришла к выводу о том, что все общественные начинания в Российской империи имели политический характер. Даже если они не были направлены против существующего строя, они все равно были угрозой для властей, и в этом была причина усиленного контроля за обществом²⁰.

Изучая эпидемию холеры в 1830 – 1831 г., мы можем поставить под сомнение данный тезис, поскольку власть в этот момент предпринимала усилия для создания общественной инициативы, а не для ее подавления. В этом смысле нам ближе позиция немецкого историка Л. Хефнера, который предлагает отказаться от исследования противостояния власти и общества и обратиться к общекультурным идеалам, их связывающим²¹.

Отмечая в ряде работ проблему исторической верификации понятий «гражданское общество» и «общественность»²², а также существования общества на общероссийском уровне, он предлагает концепт «местного общества»²³ для того, чтобы исследовать формы социализации и ответить на вопрос, были ли в Российской империи структуры и практики гражданского

¹⁸ Там же.

¹⁹ Туманова А.С. Благотворительные объединения: организационно-правовые основания и содержание деятельности // Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII-начале XX. М., 2011. С. 265 – 314.

²⁰ Lindenmeyr A. Poverty is not a vice. Charity, society and the state in imperial Russia. 1996. P. 196-197.

²¹ Хефнер Л. Civil society, Buergertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 193.

²² Там же. С. 163.

²³ Там же. С. 190.

общества на локальном уровне. Данное понятие позволяет ему рассматривать сферу общественной самоорганизации, которая находилась между государством и семьей²⁴. В своей работе мы будем использовать предложенное Л. Хефнером понятие «местного общества» в связи с самоорганизацией жителей Санкт-Петербурга, специально останавливаясь на той роли, которую сыграла в его становлении власть.

Одной из ранних работ, в которых эпидемия становится материалом для рассмотрения социальной и политической истории, является книга Р. Эванса, посвященная Гамбургу в 1830-1910 гг. Автор обратился к анализу городской среды и развитию урбанизации, следствием которой стала крупная эпидемия холеры в 1892 г.²⁵. Динамику в изучении и понимании холеры как нового заболевания, развитие городской инфраструктуры и санитарной системы под влиянием эпидемий холеры рассматривает Ч. Розенберг. В центре его внимания – эпидемии холеры в Америке, и в первую очередь, в Нью-Йорке в 1832, 1849 и 1866 г.²⁶.

Примером успешного применения компаративного метода при изучении отношения горожан к болезни является работа П. Болдуина. В своем исследовании он не только показал, как изменялось отношение к холере, оспе и сифилису, но и сравнил, как эти процессы шли в разных странах²⁷. Продуктивным может стать сравнение ситуации в Санкт-Петербурге с «холерными бунтами» в Великобритании и США 1831 – 1832 гг., рассмотренных в работах Барелла, Гилли и Шварца²⁸.

²⁴ Там же. С. 197.

²⁵ Evans R. Death in Hamburg: Society and Politics in the cholera years, 1830 – 1910. London, 1987.

²⁶ Rosenberg C. Cholera Years: The United States in 1832, 1849, and 1866. Chicago, 2010.

²⁷ Baldwin P. Contagion and the State in Europe, 1830-1930. Cambridge, 2005.

²⁸ Burrell S., Gill G. V. The Liverpool Cholera Epidemic of 1832 and Anatomical Dissection - Medical Mistrust and Civil Unrest // Journal of the History of Medicine and Allied Sciences. 2005. Vol. 60. Number 4; Schwartz J. Z. A. Melancholy and Trying Season: Cholera and the Conflict over Cultural Boundaries in Early Michigan // Journal of the Early Republic. 2006. Volume 26. Number 1.

Изучение эпидемии 1831 г. необходимо проводить в контексте изучения общих для всей Российской империи проблем урбанизации и отсутствия должного санитарного контроля. Ш. Хенц в своем исследовании, в котором внимание было сосредоточено на эпидемиях холеры в Саратове во второй половине XIX – начале XX вв., пришла к выводу, что в Российской империи продолжали оставаться актуальными те санитарные, медицинские и социальные проблемы, которые в Европе были уже во многом решены²⁹.

Одной из первых работ, посвященных непосредственно событиям первой эпидемии холеры в Санкт-Петербурге, стало исследование П.П. Каратыгина «Холерный год. 1830 – 1831»³⁰, в центре внимания которого были слухи и легенды, распространенные в городах, охваченных болезнью.

Изучение истории эпидемий холеры началось в России во второй половине XIX в. с работ, посвященных медицинской статистике, авторы которых анализируют маршруты распространения эпидемий и рассматривается развитие медицинской практики и статистики³¹.

Истории эпидемии холеры в Санкт-Петербурге посвящена часть исследования американского историка Р. МакГру³². В ней он попытался восстановить и проанализировать события первой эпидемии холеры в Российской империи. Главной проблемой исследования МакГру является ограниченный круг источников, так как все исследование базируется на опубликованных материалах.

Поскольку на материалах эпидемии 1831 г. мы изучаем взаимоотношения представителей власти и общества, необходимо обратиться

²⁹ Henze C.E. Disease, Health Care and Government in Late Imperial Russia. Life and death on the Volga, 1823 – 1914. London, 2011.

³⁰ Каратыгин П.П. Холерный год. 1830 – 1831. СПб., 1887. Продолжая рассказ о первой эпидемии холеры, Каратыгин опубликовал статью «Холерное кладбище на Куликовом поле», в которой передается рассказ кладбищенского сторожа о том, как хоронили умерших от холеры (Каратыгин П.П. Холерное кладбище на Куликовом поле. 1831 г. // Русская старина. 1879. Т. 22. № 7.).

³¹ Архангельский Г.И. Холерные эпидемии в Европейской России в 50-ти-летний период 1823 – 1872 гг. СПб., 1874; Павловская Л. Холерные годы в России. СПб., 1893.

³² McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823 – 1832. Wisconsin, 1965.

к историографии, посвященной ряду ключевых действующих лиц той и другой стороны, начиная с самого императора Николая I.

Вокруг фигуры Николая I и всего николаевского царствования до сих пор ведутся споры. Следует отметить, что самыми исследованными являются два эпизода: восстание декабристов 1825 г.³³ и Крымская войны 1853 – 1856 г.³⁴. Исчерпывающую характеристику историографии, посвященной Николаю I и его царствованию, дали Т.В. Андреева и Л.В. Выскочков в вступительной статье к работе «Николай I: pro et contra»³⁵.

Николай I является главным героем Холерного бунта на Сенной площади 22 – 23 июня 1831 г. Через этот эпизод американский историк Р. Уортман прочитывает основные темы «сценария власти» николаевского царствования. Сравнивая неожиданный приезд императора в Москву во время эпидемии холеры в 1830 г. и его явление народу в 1831 г., он помещает их в контекст восстания декабристов, когда сложился сценарий явления монарха народу в момент трудностей³⁶.

За пределами этого эпизода фигура Николая I интересует нас в связи с избранным им стилем управления и принятия решений, и особенно выбором людей на ключевые позиции. Биограф императора Л.В. Выскочков отмечает, что Николай I ценил в чиновниках послушание, дисциплинированность и личную преданность³⁷. В то же время документы и воспоминания современников свидетельствуют, что «в кадровых вопросах Николай I руководствовался не личными симпатиями и антипатиями, а служебной пригодностью начальствующего состава, пользой для Отечества»³⁸.

³³ Щеглов П.Е. Никола I и декабристы: очерки. Пг., 1919; Андреева Т.В. Тайные общества в России в первой трети XIX в.: правительственная политика и общественное мнение. СПб., 2009; Нечкина М.В. День 14 декабря 1825 года. М., 1985.

³⁴ Зайончковский А.М. Восточная война 1853 – 1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. В 2 т. СПб., 1908; Тарле Е.В. Крымская война // Тарле Е.В. Крымская война: в 2-х т. М., Л., 1941-1944.

³⁵ Андреева Т.В., Выскочков Л.В. Николай I: pro et contra: зеркало для героя // Николай I: pro et contra, антология. СПб., 2011. С. 7 – 62.

³⁶ Уортман Р.С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. Т. 1. М., 2002.

³⁷ Выскочков Л.В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 344.

³⁸ Там же. С. 350.

Е.Н. Зиза рассмотрела отношения Николая I с одним из своих фаворитов А.Ф. Орловым³⁹. Долгое время не имевший постоянного места службы, А.Ф. Орлов регулярно оказывался временным чиновником на чрезвычайных должностях, в том числе в качестве временного губернатора трех частей Санкт-Петербурга летом 1831 г. Эта ситуация симптоматична для той модели управления, которой придерживался Николай I, назначавший на чрезвычайные должности лично преданных ему людей.

Ц.Х. Виттекер много внимания уделила биографии и карьере другого участника событий 1831 г. – С.С. Уварову⁴⁰. В своей работе Виттекер предложила взглянуть на Уварова как на деятеля культуры, идеолога и высокообразованного государственного деятеля. Рассмотрев героя своего исследования с разных стороны, она пришла к выводу, что Уваров оставил куда большее наследие, чем триада «Православие. Самодержавие. Народность». Продолжает исследование карьеры Уварова Р. Пайпс. В своем эссе он сделал вывод, что Уваров был одним из самых эффективных министров Российской империи в XIX в.⁴¹.

Другой важной линией нашего исследования является изучение функционирования государственного аппарата Российской империи и служащих в нем чиновников. Обобщающие работы по этому вопросу принадлежат П.А. Зайончковскому⁴² и Н.П. Ерошкину⁴³. С. Величенко в исследовании, посвященном численности чиновничьего аппарата, попытался развенчать миф об исключительной забюрократизированности Российской империи, где непомерно большой штат чиновников препятствовал

³⁹ Зиза Е. Н. Алексей Федорович Орлов в воспоминаниях современников // Проблемы источниковедения и историографии. Калининград, 1999. С. 33-43; Зиза Е.Н. Алексей Федорович Орлов (1786-1861) - государственный деятель России первой половины XIX века: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2001.

⁴⁰ Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его время. М., 1999.

⁴¹ Пайпс Р. Сергей Семенович Уваров: жизнеописание. М., 2013. С. 67.

⁴² Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

⁴³ Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

эффективному управлению⁴⁴. Основной проблемой империи, напротив, была «недоуправляемость». Сравнивая Россию с другими государствами, Величенко пришел к выводу, что число чиновников на душу населения в России было меньше, чем в других европейских странах.

Николаевские чиновники стали одной из тем исследования Л.Е. Шепелева⁴⁵. О.Б. Рослякова, обращаясь к истории III отделения, показывает, как после восстания декабристов в целом возрастает роль чиновничества, в котором Николай I видел альтернативу армии, потерявшей его доверие. Исследовательница приходит к выводу, что в николаевское царствование оформляется модель власти, при которой решающую роль играет не личность императора, а чиновники⁴⁶. Схожую мысль высказывает О.М. Тупицын, рассматривающий чиновников министерства иностранных дел в период николаевского правления⁴⁷.

О новой «просвещенной бюрократии», для которой характерна была потребность в интеллектуальной деятельности, а основу мировоззрения составляли идеи французской революции, пишет И.В. Ружицкая⁴⁸. Она относит к новому типу чиновников и С.С. Уварова. П.В. Акульшин включает в число «просвещенных бюрократов» и П.А. Вяземского⁴⁹.

На материалах петербургской эпидемии 1831 г. мы рассматриваем одну из стадий формирования медицинского сообщества, которое во второй половине XIX в. будет играть важную роль в общественной жизни. В изучаемый нами период в условиях чрезвычайной ситуации наиболее хорошо виден сложный процесс становления профессионального сообщества. Врачи

⁴⁴ Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005.

⁴⁵ Шепелев Л.Е. Чиновный мир России: XVIII - начало XX в. СПб., 2001; Шепелев Л. Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., СПб., 2004.

⁴⁶ Рослякова О.Б. III-е отделение в царствование Николая I: Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2003. С. 5.

⁴⁷ Тупицын О.М. Министерство иностранных дел и зарубежные правительства России в Эпоху Николая I: Автореф. дис. ... канд.ист.наук. М., 2003.

⁴⁸ Ружицкая И.В. «Просвещенная бюрократия». 1800 – 1860-е гг. М., 2009.

⁴⁹ Акульшин П.В. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001.

в это время оказываются между государством, которое оказывает им поддержку, и горожанами, противостоящими медикам.

История медицинского сообщества стала изучаться еще в XIX в. в рамках истории медицинского образования и специализированных учебных заведений⁵⁰. Важным этапом становления российского медицинского сообщества стала реформа медицинского образования начала XIX в, рассмотренная Я.А. Чистовичем⁵¹. Большое количество исследований посвящено, созданной в ходе реформы, Императорской медико-хирургической академии⁵². Она же находится в центре внимания всех исследований, посвященных истории медицины Санкт-Петербурга⁵³.

Результаты реформ в сфере образования стали видны во время Отечественной войны 1812 г. Война, являясь чрезвычайным временем, позволяет исследователям подробнее изучить медицинское сообщество. Важным аспектом при изучении медицины в период Отечественной войны является становление медицинской службы. Этому вопросу посвящены работы И.В. Карпенко, в которых он проводит сравнительный анализ развития медицинских служб российской и европейских армий с первой половины XVII века до начала XX века⁵⁴. Различными исследователями

⁵⁰ Скориченко Г.Г. Столетие Военного министерства. Императорская Военно-медицинская академия. Исторический очерк. 1802-1902. СПб., 1902; Разумовский В.И. Медицина и хирургия в XIX столетии. М., 1902.

⁵¹ Чистович Я. История первых медицинских школ в России. М., 2013.

⁵² О образовании Императорской Медико-хирургической академии. СПб. 1808; Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия. ч. 1, До царствования Императора Александра II: исторический очерк. СПб., 1902; История императорской Военно-медицинской (бывшей медико-хирургической) академии за сто лет. 1798-1898. СПб., 1898; Павловский Е.Н. Военно-медицинская академия им. С.М. Кирова за 140 лет. 1798-1938. Л., 1940; Грибанов Э.Д. История развития медицинского образования. М., 1974.

⁵³ Будко А. А., История медицины Санкт-Петербурга. XVIII век. СПб., 2003; Его же. История медицины в Санкт-Петербурге в XIX - начале XX вв. СПб., 2010.

⁵⁴ Карпенко И.В. Начальный этап становления ОТМС в России 1716 – 1812 // Материалы конференции «Развитие Образовательного процесса в ММА им. А. Сеченова в связи с реализацией болонской конвенции» (секция история медицины). М., 2005. С 112; Бабенко О.В., Карпенко И.В., Собакарь С.В. Исторические аспекты учения медицинского обеспечения войск // Научные труды ГИУВ МО РФ. Т.5. М., 2005. С. 86-87; Карпенко И.В.

ведется поиск ответов на вопросы, было ли подготовлено медицинское снабжение к войне и почему его удалось наладить только к началу наступления⁵⁵.

Исследованием медицинского сообщества в первой половине XIX в. занимается Е.А. Вишленкова и ее ученица З.С. Гатина. В своих работах Вишленкова рассматривает взаимоотношения врачей и государства⁵⁶. Основными источниками для Вишленковой и Гатиной являются медико-топографические описания, литературные, публицистические материалы, а также медицинские исследования второй половины 1830-1840-х гг.⁵⁷.

Источники, которые используют Вишленкова и Гатина, довольно специфичны и не позволяют взглянуть на медицинское сословие более широко. Медико-топографические описания и другие медицинские исследования показывают врачей исключительно с положительной стороны, поскольку дают взгляд изнутри профессии. Скорректировать исследовательскую оптику может обращение к более широкому кругу источников. В этом смысле эпидемия холеры дает уникальные материалы, поскольку на деятельности врачей сосредотачивается взгляд разных бюрократических структур.

Становление организации и тактики медицинской службы в России в 1620 – 1818 гг.: Автореф. дисс. ... канд. мед. наук. М., 2008.

⁵⁵ Корнеев В.М., Михайлова Л.В. Медицинская служба в Отечественную войну. Л. 1962; Гаврилов С.В. Организация снабжения русской армии накануне и в ходе Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813 - 1815 гг.: исторические аспекты.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2003; Будко А.А. «В 1812 году русский врач блистательно выдержал экзамен на международной арене...» (Военная медицина России в Отечественной войне 1812 года и заграничном походе русской армии) // Московский военный госпиталь и медицина России в Отечественной войне 1812 года. М., 2012.

⁵⁶ Вишленкова Е.А. «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный» самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX в.) // *Ab Imperio*. 2011. № 2; Вишленкова Е.А. Рецензирование как механизм саморегулирования медицинской профессии в России 1830-1840-х годов // *Диалог со временем*. 2015. № 50. С. 170-200; Вишленкова Е.А., Гатина З.С. «Изложить предмет сциентифически»: русские врачи и их полевые исследования (первая половина XIX века) // *Российская история*. 2015. № 3. С. 154-169.

⁵⁷ Гатина З.С. Медицинские свидетельства для социальной истории: источниковые особенности медико-топографических описаний России // *Электронный научно-образовательный журнал "История"*. 2013. № 5 (21).

Медицинское сообщество в конце XIX – начале XX в. рассматривает Л.А. Булгакова. Она сосредоточила свое внимание на земских врачах как части российского медицинского сообщества. Развивая тему о месте земских врачей в профессии, автор отмечает сплоченность и организованность этой группы. Земские врачи трудились в сложных условиях и выступали в качестве экспертов⁵⁸. Проблема становления медицинского сообщества также рассматривается в контексте социологии профессий⁵⁹.

Обращаясь к роли врачей в период эпидемии холеры, МакГру пришел к выводу, что реформы образования, которые были проведены в XVIII в., дали плоды только в начале XIX в. Здесь следует согласиться с мнением автора, что российские врачи были частью европейского медицинского сообщества⁶⁰.

Традиционно в истории медицины врачи предстают как герои, сражающиеся с ужасным монстром – болезнью⁶¹. Так написано большинство биографий, такой же стратегии придерживается Р. МакГру, описывая петербургских медиков. Альтернативой такому взгляду может быть история медицины глазами больного. Известный британский историк Р. Портер убедительно продемонстрировал, как писать историю медицины «снизу», анализируя конкретный документальный материал. Он предлагает «заглянуть внутрь пациентов», то есть посмотреть, как они относились к своей болезни и

⁵⁸ Булгакова Л.А. Мистика земского врача // Наука, технология и общество во время Первой мировой войны: Медицина. СПб., 2011. С. 275 – 292.

⁵⁹ Starr P. The Social Transformation of American Medicine / P. Starr. New York: Basic Books, 1982. 514 p.; Abbott A. The System of Professions: an Essay on the Division of Expert Labor / A. Abbott. Chicago, London: The University of Chicago Press, 1988. 435 p.; Freidson E. Profession of Medicine: A Study of the Sociology of Medicine as Applied Knowledge / E. Freidson. Chicago: The University of Chicago Press. 1988. 419 p.; Freidson E. Professionalism: the third logic / E. Freidson. Chicago: University of Chicago Press. 2001. 250 p.

⁶⁰ McGrew R. E. Russia and the Cholera, 1823 – 1832. Wisconsin, 1965.

⁶¹ Попов В.Л., Дыскин Е.А. И.В. Буяльский и его роль в развитии отечественной анатомии и судебной медицины / В.Л. Попов, Е.А. Дыскин. Л., 1990. 60 с.; Маргорин Е.М. Илья Буяльский. М., 1948; Архангельский Г.В. С.Ф. Вольский – российский историк медицины 30—40-х гг. XIX в. // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 1997. № 2. С. 53-55 и др.

пытались ее классифицировать, как переживали боль⁶². Рассматривая практику родов клинике в Гёттингенском университете, Ю. Шлюмбом также затрагивает вопрос отношения пациенток к врачу и отказа от профессиональной медицинской помощи⁶³.

Широкое развитие благотворительности в 1831 г. заставляет нас также обратиться к исследованиям этого феномена. История благотворительности в Российской империи привлекает многих историков, но в данный момент их интерес в первую очередь сосредоточен на истории отдельных учреждений и комитетов. Общую характеристику благотворительной деятельности дает А.Р. Соколов⁶⁴, чья диссертационная работа получила продолжение в совместной монографии с И.В. Зиминим⁶⁵. Исследователи приходят к важному выводу, что российская благотворительность была окружена целым комплексом стимулов со стороны государства.

Г.Н. Ульянова в работе «Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX века» сосредоточила внимание на общей характеристике участников процесса, то есть ответила на вопрос, кого можно назвать благотворителем⁶⁶. Обращаясь к этому же вопросу, А.Р. Соколов показывает, что период с 1816 – 1817 по конец 1830-х гг. в благотворительности начинают активно участвовать купцы, постепенно заменяющие дворянство⁶⁷.

Благотворительная деятельность петербургского купечества была рассмотрена О.К. Павловой. В своих исследованиях она делает вывод о том,

⁶² Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008. С. 41-72.

⁶³ Шлюмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Больница Гёттингенского университета в середине XVIII - XIX в. // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины. СПб., 2008. С. 73 – 103.

⁶⁴ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало 18 – конец 19 века). Автореф. дис. ... доктор. ист. наук. СПб. 2006.

⁶⁵ Соколов А.Р., Зимин И.В. Благотворительность семьи Романовых. XIX – начало XX в. Повседневная жизнь императорского двора. М., 2015.

⁶⁶ Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М., 2005. С. 19.

⁶⁷ Соколов А.Р. Благотворительность в России как механизм взаимодействия общества и государства (начало 18 – конец 19 века). Автореф. дис. ... доктор. ист. наук. СПб. 2006. С. 23.

что государство из-за своей неспособности заботиться о стариках и обездоленных людях не могло решить и проблемы развития медицины и образования, переложило решение этих вопросов на общество и частных лиц⁶⁸. Рассуждая о благотворительности московских купцов, О.Е. Нилова отмечает, что пожертвования не всегда несли альтруистический характер, но порой были довольно своекорыстными⁶⁹.

А.И. Османов провел комплексное исследование петербургского купечества в последней четверти XVIII – начале XX века, в котором обратился к вопросу о месте петербургского купечества в общественной жизни и участии в благотворительности. Автор указывает, что к концу XIX в. петербургское купечество принимает активное участие в благотворительности, в том числе с целью ослабить социальное напряжение в обществе⁷⁰. Другим важным объектом приложения сил купечества было городское самоуправление, рассмотрению которого в николаевское время посвящена диссертация А.С. Шараповой⁷¹.

Обзор источников

Следует отметить, что сведения о первой эпидемии холеры сохранились фрагментарно, их разрозненность затрудняет архивный поиск. Основная часть источников сосредоточена в фондах Российского государственного исторического архива (далее РГИА), Центрального государственного исторического архива Санкт-Петербурга (далее ЦГИА СПб). Сведения о временных холерных больницах, организованных в 1830 г., сохранились только в фонде «Инспекторского департамента Морского

⁶⁸ Павлова О. К., Предпринимательство, призрение и благотворительность в Санкт-Петербурге: вторая половина XIX - начало XX веков. СПб., 2007. 416 с.

⁶⁹ Нилова О.Е. Московское купечество конца XVIII – первой четверти XIX века. Социальные аспекты мировосприятия и самосознания. М., 2002. С. 168.

⁷⁰ Османов А.И. Петербургское купечество в последней четверти XVIII – начале XX века. СПб., 2005.

⁷¹ Шарапова С.А. Городское общественное управление Санкт-Петербурга в первой половине XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008.

министерства»⁷² Российского государственного архива военно-морского флота (далее РГА ВМФ), как и сведения об оплате услуг медицинского персонала в 1831 г.⁷³. Для сравнения с событиями в Санкт-Петербурге были привлечены материалы по московской эпидемии 1830 г., сохранившиеся в фондах ГБУ «ЦГА Москвы» ЦХД до 1917 г. (бывший Центральный исторический архив Москвы - ЦИАМ).

В ходе работы над диссертационным исследованием были собраны и проанализированы медицинские описания и наставления о том, как не заболеть холерой⁷⁴, которые выходили в период первой и второй эпидемии в Российской империи. Наставления для учебных заведений были составлены на основе объявлений и наставлений для министерства внутренних дел и военного министерства⁷⁵. Мы обращаемся к медицинским трактатам как к источникам по истории медицинского знания. Они позволяют понять, как накапливалось знание о новом заболевании, как оно изменялось и какова была профессиональная дискуссия⁷⁶.

Для исследования системы противоэпидемических мер были привлечены инструкции к попечителям части и попечителям от купечества, медицинские рекомендации и наставления, которые рассылались в городские учреждения и публиковались в городской прессе⁷⁷.

⁷² РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1358 (О принятии карантинных мер противу болезни холеры).

⁷³ РГА ВМФ. Ф. 283. Оп. 1. Д. 1701 (Об улучшении содержания фельдшерам, школьникам и прислужникам находящимся в особом отделении морской госпитали при больных одержимых холерой).

⁷⁴ Меры предосторожности против болезни холеры // ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 4260. Л. 7; Наставление на случай появления холеры // РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 936. Л. 151 - 152.

⁷⁵ Объявление министерства внутренних дел о признаках холеры, способах предохранения от оной и ее врачевания. СПб., 1830; Описание Индийской холеры, составленное медицинским департаментом военного министерства для врачей армии. СПб., 1830; Виллие Я.В. Описание индийской холеры для врачей армии. СПб., 1830.

⁷⁶ Об открывшейся в г. Астрахани холере (*Cholera morbus*) // Военно-медицинский журнал. 1823. Ч. 2. № 1. С. 75 – 83; Мудров М.Я., Дядьковский И.Е. Трактат о холере бывшей в России в 1830 - 1831 гг. СПб., 1831.

⁷⁷ Инструкция избранным от купечества попечителям и их помощникам для устройства и обзаведения вновь учрежденных, на основании высочайшего повеления, в каждой части С.Петербурга больниц для одержимых холерой // ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 2. Д. 28. Л. 24; Наставление помощникам попечителя 1-й Адмиралтейской части для принятия мер

Важной частью нашего исследования является сбор биографических сведений о чиновниках, врачах и купцах. Здесь мы обращаемся, в первую очередь, к формулярным спискам о службе. Этот источник позволяет понять, каким опытом работы в условиях чрезвычайной ситуации обладал тот или иной чиновник⁷⁸. Важно, что в формулярных списках врачей указаны полные сведения об образовании и их деятельности во время службы в армии⁷⁹.

Биографии петербургских купцов восстановить сложнее, чем чиновников. Так как формулярных списков для купечества не было, мы обратились к материалам по возведению их в почетное гражданство. В прошениях от купцов и свидетельствах, которые выдавала городская дума, есть информация об общественной деятельности купцов, в том числе и упоминания об исполнении ими должности попечителей во время эпидемии холеры⁸⁰.

Для некоторых попечителей медицинских частей и врачей опыт работы в условиях чрезвычайной ситуации в Санкт-Петербурге не ограничивался первой эпидемией холеры в 1831 г. Они уже принимали участие в работе чрезвычайных органов и оказывали помощь пострадавшим во время наводнения 1824 г.⁸¹.

против распространения болезни холеры в С.Петербурге // РГИА. Ф. 934. Оп. 2. Д. 936. Л. 153; Инструкция для частных медицинских инспекторов // РГИА. Ф. 1299. Оп. 16. Д. 533; Инструкция для врачей заведующих кварталами // РГИА. Ф. 1299. Оп. 16. Д. 533.

⁷⁸ Формулярный список о службе правительствующего сената в 1 отделении 5 департамента правительствующего сената, действительного тайного советника Ивана Савича Горголи // РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 5601; Формулярный список о службе и достоинстве члена Государственного совета действительного тайного советника графа Уварова // РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 567.

⁷⁹ Формулярный список службы председателя медицинского совета, лейб-медика ея императорского величества, действительного статского советника Маркуса // РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 249; Формулярный список о службе почетного лейб-медика доктора медицины и хирургии, действительного статского советника и кавалера Семена Федоровича Вольского // РГИА. Ф. 469. Оп. 1. Д. 249.

⁸⁰ РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 3058 (По прошению с. петербургского 1-й гильдии купца Никиты Меншикова о возведении его в почетное гражданство); РГИА. Ф. 1343. Оп. 39. Д. 660 (По прошению с. петербургского 1-й гильдии купца Александра Федоровича Буренина о возведении его в почетное гражданство).

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 187. Оп. 1. Д. 1. (Об учреждении Комитета); ЦГИА СПб. Ф. 187. Оп. 1. Д. 14 А. (Об учреждении и открытии частных комитетов и членах оные составляющие).

События в Санкт-Петербурге и их восприятие горожанами, в том числе представления о холере, мнение о врачах и чиновниках, нашли отражение в личных источниках. Самое подробное описание событий первой эпидемии холеры в Петербурге удалось обнаружить в дневнике А.В. Никитенко. Важно отметить и то, что в дневниках петербуржцев не упоминалось об их контактах с больными холерой⁸².

Для более детальной реконструкции событий использованы также мемуары и воспоминания. В своих воспоминаниях петербуржцы уделяют значительное внимание первой эпидемии холеры⁸³ и холерным волнениям⁸⁴.

В работе широко использованы материалы периодической печати, в частности, публикации газет «Северная пчела», ее приложения «Ведомость о состоянии столичного города Санкт-Петербурга» и «Санкт-Петербургские ведомости». В газетах помещались распоряжения городских властей, объявления, благодарности врачам от выздоровевших пациентов и отчеты о количестве заболевших и умерших от холеры⁸⁵.

Методология исследования отвечает поставленным целям и задачам. В работе были использованы методы сравнительно-исторического и критического анализа.

Научная новизна заключается в том, что были проанализированы взаимоотношения власти и представителей петербургского общества в условиях эпидемии холеры в 1831 г.

⁸² Никитенко А.В. Дневник (1826 - 1877). Т. 1. Л., 1955; Дивов П.Г. Из дневника П.Г. Дивова // Русская старина. 1899. Т.100. № 12.

⁸³ Башуцкий А.П. Первая холера в Петербурге // Русский вестник. 1866. Т. 64. № 7; Селиванов И.В. Холера в Петербурге в 1831 г. Рассказ очевидца // Русский архив. 1868. № 6; Фон дер Ховен И.Р. Холера в С.-Петербурге в 1831 году // Русская старина. 1884. Т. 44. № 10.

⁸⁴ Пржецлавский О.А. Воспоминания О.А. Пржецлавского 1818-1831 гг. // Русская старина. Т. 11. № 9. 1874; Фон дер Ховен И.Р. Бунт на Сенной площади в Петербурге 22-го июня 1831 г. Рассказ стоявшего в тот день в карауле гвардейского офицера // Русская старина. 1885. Т. 47. № 7; Каратыгин П.П. Холерный год. 1830 – 1831. СПб., 1887.

⁸⁵ Северная пчела. 1830 - 1832; Ведомость о состоянии столичного города Санкт-Петербурга. 1831; Санкт-Петербургские ведомости. 1831; Ведомость о состоянии города Москвы. 1830.

Изучение деятельности петербургского общества во время эпидемии позволяет по-новому взглянуть на процесс формирования русского общества в период царствования Николая I.

Практическая значимость Результаты диссертации могут быть использованы в научных работах по истории медицины, благотворительности, а также при чтении лекций и специальных курсов.

Структура диссертации соответствует поставленным целям и задачам работы. Исследование построено по проблемному принципу и состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и источников, приложения.

Положения, выносимые на защиту:

1) Во время эпидемии холеры 1831 г. в Санкт-Петербурге сложилась система чрезвычайных органов и временных чиновников. Эпидемия четко делится на два периода в зависимости от того, как власть оценивала свою способность справиться с болезнью исключительно административными мерами и какое место отводилось обществу в условиях чрезвычайной ситуации. В начале эпидемии власти предпринимали попытки справиться со сложившейся ситуацией исключительно силами чиновничества. В Петербурге учрежден «Комитет для принятия мер против холеры в здешней столице» и ряд временных должностей, которые заняли высокопоставленные имперские чиновники. Рассматривая состав чиновников, следует отметить, что все они обладали опытом работы в условиях чрезвычайного времени (Отечественной войны 1812 г. и наводнения 1824 г.). Вкупе с жестокими противоэпидемическими мероприятиями это привело к холерным волнениям. После холерного бунта на Сенной площади расширяется состав лиц, задействованных в противостоянии с холерой. В состав «Комитета» были введены члены городской администрации, врачи, что позволило улучшить работу чрезвычайных органов и более прочно вписать их в систему уже существующих. Ответом

на холерные волнения также стало учреждение новых чрезвычайных должностей.

2) Для формирования медицинского сообщества в Российской империи была использована военная модель. Эта же модель применялась и в противоэпидемических мероприятиях во время холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г. Холера была новым заболеванием, поэтому во время первой и второй эпидемии шел процесс накопления знаний о ней. Российские власти выступали в роли заказчика экспертизы, поэтому они создавали условия для ознакомления российских врачей с опытом зарубежных коллег и площадки для обмена накопленными данными. Петербургские врачи выполняли роль чрезвычайных чиновников и были главными представителями власти на местах. Из-за холерных волнений были внесены изменения в проводимые мероприятия, например, была отменена принудительная госпитализация. Одновременно власти пытались улучшить образ врача, в глазах горожан. Для этого были использованы газетные публикации, в которых размещались отзывы и благодарности от выздоровевших пациентов и увещевания к православным. Поощряя развитие медицинского знания и встраивание российских врачей в европейский научный мир, власти способствовали переходу представителей «врачебного сословия» на принципиально иной уровень осознания себя как профессиональной корпорации. Это в свою очередь вело к пересмотру медиками своего места в российском обществе и своих отношений с властью, которые в полной мере проявятся в эпоху Великих реформ.

3) После холерных волнений в Санкт-Петербурге была расширена система чрезвычайных органов, в помощь попечителям медицинских частей было организовано попечительство от купечества. Были призваны силы петербургского купечества, которое, с одной стороны, обладало необходимыми организационными навыками, а с другой – могло быстро собрать необходимые средства для реализации мероприятий.

4) Для привлечения благотворителей использовались те же приемы, что и при создании положительного образа врача: в прессе публиковались сведения о благотворителях и их поступках, а также был задействован широкий круг стимулов, которые должны были подвигнуть на благотворительную деятельность разные группы горожан. Инициатива в сфере благотворительности исходила от властей, которые создавали «заказ» на решение чрезвычайной ситуации силами местного общества. Однако, возможные формы самоорганизации и способы действий во многом отдавались на откуп участников благотворительной деятельности, ответивших на призыв властей. Самыми активными благотворителями во время первой эпидемии холеры стали петербургские купцы.

5) Москве удалось избежать холерных волнений благодаря более широкому, чем в Петербурге составу горожан, вовлеченных в борьбу с холерой, мероприятиям по успокоению горожан и своевременному приезду императора Николая I.

6) В период первой эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г. мы можем рассматривать один из этапов формирования петербургского местного общества. Оно было необходимо властям для того, чтобы заполнить те сферы (или выполнить проекты), на которые у государства не было средств или не хватало подготовленных чиновников. Власти николаевской России способствовали возникновению российского общества, в полной мере проявившего себя во второй половине XIX века.

Апробация результатов исследования

Отдельные проблемы диссертации представлялись на конференциях:

2013 г. «III Всероссийская школа-конференция «История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды»;

2014 г. «Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, отечественной и всеобщей истории нового и новейшего времени. IV Международная открытая конференция молодых

ученых и специалистов «КЛИО – 2014» и «Международный молодежный научный форум «ЛОМОНОСОВ-2014»»;

2015 г. III Международный симпозиум «История медицины и медицинские музеи» и «ВДНХ – 9: Знание и технологии: производство, трансферы, циркуляции»;

2016 г. «XXV международная ежегодная богословская конференция ПСТГУ» и «XI Петербургские военно-исторические чтения».

Текст диссертации обсуждался на заседаниях отдела Истории революций и общественного движения в России Санкт-Петербургского института истории РАН и на семинарах факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность диссертационного исследования, определяются объект, предмет, методология, цель и задачи работы, уточняются хронологические и территориальные рамки, дается обзор источников и литературы.

В **первой главе** «Чрезвычайные органы и деятельность временных чиновников в период эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.» рассматривается временная система управления борьбой с холерой.

Во время эпидемии власть в Санкт-Петербурге была представлена временными чиновниками, которые возглавили чрезвычайные органы. Главным чрезвычайным органом стал «Комитет для принятия мер против холеры». При его организации был учтен опыт «Комитета о пособии разоренным от наводнения» и московского холерного комитета 1830 г.

К работе во время эпидемии были привлечены люди, которые уже доказали свою работоспособность на аналогичной должности. Власти выбирали временных чиновников на чрезвычайные должности из числа опытных людей. Этот вывод не отменяет тезис о негативных последствиях

отсутствия приготовлений административного аппарата к возможным чрезвычайным ситуациям.

Для наведения порядка во время холерных волнений в Петербурге была учреждена временная должность военных губернаторов. Они возглавили самые сложные медицинские части. Так как А.Ф. Орлов тем же летом был отправлен подавлять холерные бунты военных поселян, то можно предположить, что военные губернаторы занимали эти должности короткий срок.

В Петербурге не удалось наладить диалог между властью и горожанами, как это было сделано в Москве в 1830 г., так как до холерных волнений власти использовали только административные формы борьбы с эпидемией и не привлекали к работе людей, не состоявших на государственной службе и не имевших классные чины. Кроме того, следует отметить, что члены петербургского Комитета до бунта на Сенной площади, были представителями имперской администрации и находились в Петергофе с императором Николаем I, а вместо них были назначены заместители. Комитет не выполнял возложенных на него обязанностей, и только необходимость предотвратить новые волнения заставила изменить его состав. Новые члены были более осведомлены о проблемах в городе и могли предложить их решение.

В период царствования Николая I возрастает роль чиновников. Император доверил управление столицей проверенным людям, которые уже доказали, что могут работать в такой ситуации. Он прибыл в город только, когда стало ясно, что власти перестали контролировать ситуацию.

На первую половину XIX в. пришлось формирование нового типа чиновничества – просвещенных бюрократов. На становление просвещенных бюрократов, как чиновников, которые осуществили реформы 1860-х гг., повлияли и такие временные назначения. Во время чрезвычайных ситуаций они учились оперативно реагировать на быстро меняющуюся ситуацию и налаживали коммуникацию с населением.

Во **второй** главе «Врачи в условиях эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.» исследуется формирующееся медицинское сообщество в условиях чрезвычайной ситуации. Именно в это время врачи становятся объектом внимания, как государства, так и горожан.

В 1823 г. начинается профессиональная дискуссия о характере, мерах по предотвращению распространения и способах лечения холеры. Площадка для дискуссии была создана раньше, то есть у врачей был уже опыт обмена знаниями. Обсуждение было инициировано и поддержано государством. Врачи выступали в качестве экспертов, которые не только описывали симптомы холеры, но и говорили о своих наблюдениях в сфере социальных и экономических проблем, которые напрямую связывались ими с возможным развитием эпидемии.

В начале эпидемии были организованы противоэпидемические мероприятия, которые не удалось реализовать сразу. В городе начались нападения на врачей и больницы, после чего в столице было введено военное положение. Первым шагом для нормализации ситуации была отмена мероприятий, которые вызывали недовольство у петербуржцев, в первую очередь принудительной госпитализации. Изменения в противоэпидемические мероприятия были внесены не под влиянием экспертного знания, а под натиском недовольной толпы.

Поскольку горожанам была неизвестна организация здравоохранения в условиях чрезвычайной ситуации, у них не было ясного представления о властных полномочиях представителей администрации и медицинских чиновников. Они имели дело в основном с квартальными врачами, которых обвиняли в помощи неким «отравителям» и «полякам». Квартальные врачи с одной стороны воспринимались, как представители власти, а с другой - врагами, отравителями, убийцами. Властями были предприняты решительные шаги по преодолению отрицательного образа врача.

Врачи, которые исполняли обязанности медицинских инспекторов во время эпидемии в Петербурге, были представителями складывающегося

медицинского сообщества. Это были медики, которые прошли обучение после реформы образования, получили необходимый опыт службы в условиях чрезвычайной ситуации, работали в качестве армейских врачей, а затем показали себя успешными гражданскими врачами и исследователями. Их, как наиболее опытных, привлекло государство в качестве чиновников к решению проблемы создания временной инфраструктуры для оказания помощи больным холерой. Для формирования врачебного сообщества использовалась военная модель, как и для борьбы с холерой.

В третьей главе «Благотворительная деятельность во время эпидемии холеры» затронуты вопросы привлечения благотворителей, формы благотворительности и состав благотворителей.

Для привлечения благотворителей использовались те же приемы, что и для создания положительного образа врача. В газетных публикациях появляются сначала сообщения о благотворительных подвигах, затем начинают публиковать письма в редакцию. Язык, который используется в этих посланиях, похож больше на тот, которым написаны церковные проповеди и увещевания.

Благотворительность стала частью борьбы с холерой, а также включала в себя помощь тем, кто остался без попечения после эпидемии. Власти, зная о московском опыте и деятельности петербургского купечества во время подготовки к эпидемии в 1830 г., не привлекли купцов для организации противозэпидемических мероприятий в начале эпидемии в 1831 г. В Петербурге не был учтен предыдущий опыт, к нему обратились только после холерных волнений. В июле петербургское купечество было призвано исполнить роль организаторов, которые стали посредниками между властями (чиновниками) и горожанами. В данном случае мы можем говорить о самоорганизации. Но, если в 1830 г. инициатива исходила от самих купцов, то в 1831 г. этот процесс был запущен императором Николаем I.

Государство выделяет купцов как ту необходимую активную благотворительную силу. Мещане также начинают участвовать в этой

деятельности, но пока не так активно. Для купцов благотворительность была способом повысить свой общественный статус. Участвуя в организации больниц и оказании помощи нуждающимся, они входили в диалог с властями и показывали свою приверженность по отношению к ним.

Инициатором благотворительной деятельности были власти. Они использовали разные стимулы для привлечения к этой деятельности широкого круга горожан.

Во время эпидемии в Санкт-Петербурге православная церковь не была активным участником благотворительности в отличие от ситуации в Москве, где церковь стала частью большой акции по помощи нуждавшимся горожанам с целью предотвратить распространение холеры. Осуществляя коммуникацию между властями и подданными, церковь выполняла поставленную перед ней задачу по успокоению и предотвращению холерных бунтов.

В заключении сформулированы основные выводы диссертационного исследования.

В период первой эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г. мы можем рассматривать один из этапов формирования петербургского местного общества. События лета 1831 г. показали, что справиться с крупной эпидемией или другой чрезвычайной ситуацией исключительно силами чиновников и военных невозможно. Положительный опыт борьбы с московской эпидемией 1830 г. наглядно демонстрировал, что чрезвычайные ситуации власть способна преодолевать только при выстраивании диалога с местным обществом и создании условий для самоорганизации горожан. Местное общество было той силой, которая могла сделать то, чего не могли добиться чиновники.

Изучая петербургское общество в контексте эпидемии 1831 г., следует сделать вывод, что оно также было способно на самоорганизацию, но инициатива в любом случае должна была исходить от властей. Для

коммуникации власти использовали прессу, православную церковь и органы самоуправления.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Барабанова К.С. Первая холера в Санкт-Петербурге в 1831 г.: противоэпидемические мероприятия // Труды Института российской истории. М., 2014. Вып. 12. С. 129-143.

2. Барабанова К.С. Организационная деятельность петербургского купечества во время эпидемии холеры в 1831 г. // Преподавание истории в школе. М., 2016. № 8. Октябрь. С. 76 – 79.

3. Барабанова К.С. Благотворительность в период чрезвычайной ситуации (первая эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1831 г.) // Клио. М., 2016. № 11. Ноябрь. С. 116 – 121.